

Евгений Григорьевич Толмачёв родился в 1990 году в поселке Ракитное Белгородской области. Начал писать короткие рассказы, обучаясь на факультете журналистики Белгородского государственного университета. Публиковался в журнале «Подъём», альманахе «Звонница», в общероссийском молодежном журнале «Наша молодежь», на страницах электронного литературного журнала «Новая Юность». Работает корреспондентом департамента информационной политики Белгородского государственного университета.

Евгений Толмачёв

УБОП ИВАНЫЧ

Рассказы

Развелись они, когда уже внуки в школу пошли. Причина самая заурядная — пьянство. Устин Иваныч крепко прикладывался к бутылке, жена и не выдержала. Лопнуло терпение. Трехкомнатную квартиру продали, решив разъехаться. Навсегда.

— Мне твои вонючие деньги не нужны, — кричал Устин Иваныч. — Подавись ты ими. Мне хоть куда, лишь бы тебя не видеть. Испортила ты мне всю жизнь!

— Это ты мне испортил, сволочь!

— Да подавись ты своими деньгами, я их и не возьму от тебя! Не нужны! Обойдусь!

На этот их последний скандал, на резкие жесты равнодушно глядели настенные часы с изумрудным циферблатом.

Не нужны так и не нужны — по пьяному делу Устин Иваныч согласился на сумму, на которую ему купили комнату в общежитии на первом этаже. Секция — убитая, населенная пауками и многоножками, унитаз течет, канализационный смрад и полумрак. Но комната — ухоженная, светлая. С чистенькими обоями, массивной железной дверью и пластиковым окном. Доживала здесь свои тихие годы старушка, а жизнь города стремилась куда-то уже без нее, как и без многих других людей...

Но Устин Иваныч не собирался жить на матер долгоногих пауков, прячущихся по углам, и жирных многоножек, решив изменить свою

жизнь. Клин вошел в сознание такой, что даже пить бросил. Из-за жгучей обиды и ревности.

Как-то вечером, возвращаясь из магазина с чекушкой во внутреннем кармане облезлой дерматиновой куртки, случайно узрел он свою бывшую, шедшую под ручку с благообразным, седым, слегка сутулым мужичком. От вида положительных довольных людей его переклинило. Сам не свой вернулся Устин Иваныч домой, мерил шагами расстояние от окна до кровати и рассуждал вслух:

— Вот же, зараза, и двух месяцев не прошло, а она примака в новую квартирку привела. В которую, между прочим, и мои денежки вложены. А я, дурак, так легко сдался. Надо было оттяпать денег на однокомнатную! Пошел на принцип, дебил... Ох и дебил же! Ну, теперь все. Что ж делать, а?

Высокий, худой, с жилистыми, поросшими черным волосом руками Устин Иваныч сделался еще худее. По натуре хитроумный, с богатой фантазией, с умением говорить много, витиевато, он, возможно, мог бы стать актером или писателем, но работал на заводе токарем. Из родни с ним общался только зять, недавно оставивший службу в полиции и решивший стать предпринимателем. Зять подкинул Устин Иванычу форменные брюки с красной полосой сбоку и синюю рубашку без погон.

И почему-то новое будущее свое увидел в этом одеянии Устин Иваныч... Взял он эту одежду, еще кое-какие вещички подсобрал, сложил в старый черный дипломат и спортивную сумку, запер комнату и отправился в деревню к матери-старушке, которую не навещал лет десять...

В понедельник Устин Иваныч подъехал на такси к родной усадьбе. По соседству на лавочке сидели мужики, разговаривали. Удивились, ведь не часто на улице появляются такие машины. Кто ж это приехал? Одетый в полицейскую форму хитроумный Устин Иваныч мгновенно сориентировался. С начальственным видом неторопливо вышел из машины, с заднего сидения неспешно забрал дипломат, спортивную сумку, крикнув водителю:

— Всех благ! Если гаишники будут кошмарить — обращайся.

Таксист в недоумении что-то переспросил и рванул с места. Устин Иваныч помахал ему жилистой рукой. С достоинством подошел к мужикам, аккуратно пристроил на лавочке дипломат, сумку поставил на землю, достал сигаретку, закурил. Разговорились. Устин Иваныч, отвечая на расспросы про полицейскую форму и черный внедорожник, нагородил, что служил в УБОП, но «связи остались и по сей день».

— А в каком же ты звании? — допытывались подозрительные мужики.

Устин Иваныч, вошедший в раж, хотел сказать, что вышел в отставку полковником, но, инстинктивно уловив недоверие, смолол, что носил майорские погоны. Мужики чуяли подвох, а Устин Иваныч неумоимо сыпал, как из мешка, факты из былой службы, придуманные по пути, щедро сдабривая рассказ аббревиатурой УБОП. Мужики быстро по-деревенски дали ему смачное прозвище Убоп.

Так и зажил Устин Иваныч на новый лад Убопом. Со временем односельчане даже поверили, что и в самом деле боролся он с организованной преступностью. Пенсионер дядя Степан, ездивший в городскую поликлинику полгода назад с геморроем, неожиданно повстречался там с Устином Иванычем возле аптеки. Зять как раз по старой памяти попросил патрульных подвезти туда отца. Так что дядя Степан сообщил мужикам, как Устин Иваныч выходил у аптеки из полицейской машины, тепло прощался с сотрудниками, желая им всех благ.

— А что ж он у хворме был али так? — спрашивали дядю Степана.

— Не помню, кажись, у штатском.

— Ну, можить, и служил. Кто его знает.

Устин Иваныч неумоимо, упорно работал на свой образ отставного офицера

полицейские. Первым делом внимательно изучил информацию об участковой — молоденькой девушке в звании младшего лейтенанта: «срисовал» ее внешность и взял на заметку. Проживала она в райцентре, так что он не боялся разоблачения.

Вскоре новая информация пригодилась. Устин Иванович пошел за хлебом. Возле магазина стояли мужики, разговаривали. Завидев издалека его худую высокую фигуру в форме, оживились. В это время через дорогу от магазина, у здания, в котором располагался ФАП и отделение «Почты России», остановились красные «жигули» — вышла участковая. Устин Иванович стрельнул карими глазками в сторону мужиков. Мгновенно созрел план, как повернуть ситуацию в свою пользу. Воображение Устина Ивановича взмахнуло легким крылом и воспарило над деревней — над изогнутыми улочками, широкими огородами, ржавыми тракторами фермерского хозяйства.

С улыбкой подойдя к участковой, Устин Иванович почтительно поздоровался и сказал:

— И как вам служится, чудное создание?

В глазах младшего лейтенанта промелькнуло изумление и недоумение. С ветки березы за странным разговором наблюдал вертлявый любопытный воробей.

— Вы так не удивляйтесь, Татьяна Владимировна, — ласково продолжал Устин Иванович. — Вы очень похожи на мою дочь. Она, кстати, в юридическом учится. А вы не жалеете, что взвалили на свои хрупкие плечи тяжесть защиты населения от неизжитой до сих пор преступности?

Устин Иванович подкреплял слова энергичными размашистыми жестами, отчего со стороны казалось, будто он раздает указания. Участковая что-то отвечала. Поговорили. Младший лейтенант вошла в двери, за которыми располагалось отделение почты, а довольный Устин Иванович гоголем направился к магазину.

Мужики ничего не успели спросить, как в ответ на их молчаливое удивление Устин Иванович стремительно погнал коней:

— И кого только в органы берут! — вознегодовал он, доставая сигаретку с фильмом. — Детвору. Провода в Щегловке поснимали, слышали?

— Было дело на днях, а что?

— Проходу нету: участковая давай спрашивать — товарищ майор, не поделитесь своими методами? — заливался соловьем Устин Иванович, попыхивая сигареткой. — Да мне не жалко! Я таких волчар в УБОПе щелкал! Посоветовал девушке, с какого фланга наступать, как с уликами работать. Мы с ней договорились потом, когда хмырей этих повяжут, разыграть доброго и злого полицейского на допросе. Знаете такую методу?

...Старушка мать была рада визиту сына. Одного не могла понять — почему он ходит в полицейской форме и не выпивает?

— Ты, мать, если будут спрашивать, всем отвечай, что я работал на большой работе, поняла? — научал Устин Иванович.

— На какой работи?

— Не важно, всем говори, что на высокой, секретной!

Старушка подслеповато моргала и поправляла языком вставные челюсти.

Однако не только полицейскую форму использовал в своих целях Устин Иванович, но и форма воздействовала на него — хотелось быть справедливым. Ему нравилось сидеть на лавочке под желтым облаком рудбекии и разговаривать с соседским мальчишкой-третьеклассником.

— А кем ты хочешь стать, когда вырастешь, Мишук? — улыбаясь, спрашивал лжемайор.

— Не знаю, — отвечал мальчик, щелкая игрушечным пистолетом. — Шофером.

— Шофером? Это все глупости. Надо, чтобы уважали, понял? Ты лучше посту-

пай в школу милиции. Потом вспомнишь дедушку Устин Иваныч с благодарностью.

И взглянув на игрушечный пистолет, Устин Иваныч сморозил:

— У меня был ПМ. Знаешь, что это?

— Не знаю.

— Пистолет Макарова.

— Дядя Санек сказал, что все милиционеры — дураки.

— А что это за дядя Санек такой, а? — рассердился Устин Иваныч. Он знал, о ком идет речь. Мишук жил с бабушкой и матерью, к которой заходил местный алкоголик Санек. — Ты этому дяде паршивому передай, что я ему за такие слова уши пообрываю! У тебя на шее никак ссадина? Кто ударил?

Мишук потупился, глядел себе под ноги и ковырял носком тапка сухую песчаную землю. Устин Иваныч слышал, как накануне Мишука во дворе нещадно поразили — крик, плач, хлесткие удары ремня.

— А ну-ка пойдем к твоим, пойдем, Мишук, не бойся.

Устин Иваныч взял мальчика за ручку. Когда лжемайор вошел во двор, Валюшка — бабушка Мишука — стирала белье. На визитера бросилась, звякая цепью, небольшая худастая собака.

— Пошла-а-а, — властно закричал Устин Иваныч. — Валюшка, а Валюшка! Послушай, что я тебе скажу.

По натуре недалекая бабушка Мишука стояла, тараща глаза с красными прожилками, а по рукам на зеленую траву сбегала пена от стирального порошка.

— А где дочь твоя? — любопытствовал грозный Устин Иваныч.

— На работи.

— Ну, хорошо, что не на пьянке. В общем так, если будете бить Мишука, я вас посажу, будете у меня в колонии чалиться, поняла?

— А мы его и не бьем николи...

— Ну, смотрите мне. Смотрите и бойтесь.

Вскоре вялотекущая жизнь улицы всколыхнулась. Теплым пасмурным днем сидел Устин Иваныч во дворе на лавочке и задумчиво покуривал сигареты с фильтром. Вдруг послышались крики и звуки хлестких оплеух.

Устин Иваныч, как пуля из ПМ, вылетел по форме за ворота и увидел, как обрюзгий Санек посреди дороги «воспитывает» Мишука.

— Эй, ты, ероплан, ты что творишь?! — закричал Устин Иваныч.

— Пасть закрой, не твое дело! — огрызнулся Санек, таская Мишука за шиворот. — А то щас и тебе врежу!

— Что-о-о? Да я тебя...

Свирепый Устин Иваныч драться умел и со всей дури поперву зарядил «воспитателю» сорок третьим растоптанным в пах.

— Школа эмвэдэ-э-э! — выкрикнул «майор» и прямым в голову отправил скрючившегося Саньку в колючий бурьян, что зовется татаринном.

— Смотри, если повторится, посажу за педофилию, — пригрозил Устин Иваныч и с удовлетворением глядя на крепкий, поднывающий кулак, направился домой.

В избе пахло жареной картошкой и нафталином: утром мать перебирала в сундуке вещи, приготовленные на смерть, — полотно, крестик, платки. Тикали старые настенные часы марки «Янтарь» с золотистыми стрелками. Жизнь продолжалась...

Вскоре загорелся Устин Иваныч привести молодайку. Присмотрел подходящую бабенку. Жила в конце улицы одинокая Мария Васильевна. Встречались несколько раз в магазине. Если, например, Мария Васильевна видела, как соседка-старушка несла на выставленной вперед палке выбросить через дорогу в ров мертво

повисшего ужа с разомозженной головой, то ее охватывало горькое сожаление. Горько становилось женщине, когда, к примеру, тонконогий Яша Кукушкин, прикупивший на инкубаторе цыплят, торопился в рощицу со сверкающим топориком — свалить деревцо, на котором ворона свила гнездо. «Ненашецкой породы баба», — говорили о ней. И очевидно по этой причине Марии Васильевне подбирали то под ворота, то в палисадник, густо населенный розовыми, желтыми и красными цветами, котят и щенков.

«Что ж с вами делать? Хоть зверинец открывай... — печально качала головой женщина, глядя на беспомощные, крикливые комочки шерсти, ползающие среди цветов. — Ну, слава богу, хоть не утопили вас...»

На концерте ко Дню России в сельском ДК сидели с ней через кресло. Вострыми карими глазками Устин Иваныч поглядывал на тихую, кроткую соседку. Другие бабы смеялись, обсуждали местных поющих и танцующих артистов, а Мария Васильевна лясы не точила, слушала песни — вся внимание. Эта кротость и подкупила пылкого Устин Иваныча.

Надумал свататься. Несколько лет назад «невеста» вышла на пенсию и вернулась из города в деревню, поселившись в избе своей покойной родственницы. Мария Васильевна всем рассказывала, что оставила квартиру сыну, который работает директором. На самом деле «Директор» — это было его погоняло, которое к нему пристало после неудачной попытки кражи из кабинета руководителя фабрики.

«Сын — директор, сама бабенка воспитанная, еще побрезгует?.. — прикидывал Устин Иваныч, вынашивая план сватовства. Удалившись в грезы, он на миг призабыл, что назначил себя майором. — Ладно, надо попытаться. Что ж — бывшая моя курва, значит, хахаля нашла, а чем я хуже? Они у меня пасодопль спляшут...»

Нельзя сказать, что присмотрел Устин Иваныч подходящую женщину только лишь чтобы бывшей насолить. После долгого одиночества захотелось незатейливого счастья, тихого уюта, аромата свежего борща с косточкой.

И вот летним вечером «майор» по всей форме пошел свататься: цветы, конфеты. И, наверное, от волнения в голове засела липкая мысль: «Сватовство майора» — это фильм такой или книга?»

Коров гнали с пастбища. Животные мычали, отгоняли хвостами оводье, терлись боками и шеями о заборы. Устин Иваныч старательно обходил коровьи лепешки, боясь замарать туфли, и грустно размышлял:

«Вот так и по жизни я петляю...»

Пили чай, мирно беседовали. Но Мария Васильевна очень уж осторожно вела разговор. Теплая полоса от лучей заходящего солнца медленно двигалась по крашеному полу к двери. Устин Иваныч обратил внимание на порядок в избе — запах вымытых полов, сложенные пирамидкой подушки на застеленных кроватях, иконы. Внутренне одобрил. Прощупывал почву, как сапер. Сомневался, но, взяв волю в кулак, открыл шлюзы. Соловьем запел про совместную жизнь, грядущие перспективы рисовал размашисто, как уверенный в своем таланте художник, бросал краски на холст.

Отказала.

— Не в том мы с вами возрасте, чтобы сходитьсь, уважаемый Устин Иваныч. Люди не поймут, — потупившись, повела речь «невеста».

— Да что нам люди?! — возвысил он голос и, сжав костистый кулак, свидетельствовавший о былой силе, продолжил. — Вот они у меня где, люди эти! Все-е здесь. Я отставной майор! Что вы, в самом деле! Будете жить со мной как за каменной стеной.

Почему-то он стал называть женщину на «вы». Мария Васильевна вздрогнула.

Пожалуй, слово «майор» ее испугало. Устин Иванов убедился, заседал, взгляды-вая на образ Георгия Победоносца в золотистом окладе, словно ища поддержки, но разбился глек, то есть глиняный горшок. А еще так молодежь сегодня явных дебилов называет.

Когда он, понунив голову, шел по улице домой, Мария Васильевна глядела вслед из-за кружевной занавески и утирала катившиеся слезы синим платком:

«Был бы простенький мужичок, еще бы ничего, может, и жили бы, а то как я с милиционером сойду? Сын уголовник, а я за милиционера выскочу, стыд какой! Господи прости...»

Стало прохладнее, на небе обозначился молодой остророгий месяц. Но домой Устин Иванов не пошел. Почему-то направился через луг, где с наступлением вечера сильнее запахла трава, к реке, на крутом берегу которой теснились по большей части заброшенные избы. Где накрест окна заколочены, где стекла давно выбиты. Дворы разгорожены, поросли застарелой злой крапивой. Все глядит угрюмо и в то же время жалостливо, и кажется, войди в любую избу — запахнет пылью и прахом... Складывалось впечатление, что в заброшенных избах лежат и, затаившись, чего-то ждут тени людей, ушедших из жизни. И несообразны это запустение и молчаливая красота природы.

Устин Иванов вошел на деревянный мосток, остановился на середине, передумав идти на другую сторону. Глядел на воду. У дубовых опор течение образовывало водовороты, серебристые рыбки с узкими спинами, как по команде, устремились в разные стороны, когда на воду легла длинная тень. В шепчущихся камышах протяжно загудела выпь. Устин Иванов отметил, что река, по сравнению с тем, какой была во времена его юности, обмелела, поросла камышом и кувшинками, белые цветки которых закрылись, проводив солнце.

Тишина, чистый воздух располагала к размышлениям о жизни, о том, что когда здесь еще не поселились люди, река все так же несла свои воды и солнце каждый вечер закатывалось за меловые горы, отчего вершины становились нежно-розовыми, словно зефир. Устин Иванов постоял еще немного и, закурив, пошел домой — смотреть с матерью телевизор, а завтра будет новый день, и вновь взойдет солнце.

ПРОТИВЛЕНЕЦ САТРАПКА

Васютка Шаронов даже на вступительные опоздал. Помню, как по мрачному длинному коридору поспешал он, размахивая руками, к поточной аудитории. Шел длинноволосый, с туннелями в ушах, в безразмерной желтой футболке с Бобом Марли, в широких, как Черное море, джинсах. По правде сказать, не ожидал увидеть его в сентябре. Но Васютка волей судьбы очутился в моей группе. Сдружились. Я прозвал его Сатрапкой, а он меня — внебрачным сыном декана. Очевидно, за то, что учение легко мне давалось. Почему Сатрапкой? Природа наделила меня насмешливым, ироничным характером.

— Я против системы! Против насилия! Я — за беззаботную, легкую жизнь! — провозглашал Васютка, блестя карими глазами, в которых тлел огонек бунтарства.

— Против какой системы? В чем соль этой системы? — заседал я. Сатрапке и сказать нечего.

— Посмотрю я на твоё противление системе лет через пять...

— Я против системы... И останусь таким всю жизнь!

Он упорно системе противился. Как-то замдекана принесла на лекцию и пустила по рядам бумагу на выбор факультатива. Сатрапка даже в документе обозначился так — Васютка Шаронов.

После занятия мы смеялись в буфете, попивая томатный сок:

— Убогенький студентик факультетика Шаронов Васютка!

Сатрапка возгордился — важную бумагу уделал.

Лекцию настоятеля домового университетского храма он с радостью прогулял, а потом ернически рассказывал мне анекдот про то, как один поп в бордель ходил.

— А че ты не пришел? — подкалывал я. — Испугался, что корчи начнутся?

— Религия — опиум для народа! Я тут, кстати, Кропоткина почитываю. Занимательно, со смыслом!

— Посмотрим, где этот Кропоткин будет года через два.

Жил Сатрапка в самой комфортабельной общежитии университета — квартирному типу. В просторной комнате с новой душевой, кухней и стиральной машинкой.

Жил с матерью — приглашенным из другого вуза профессором уголовного права.

Мать его, Ирина Петровна, работала на юридическом факультете. Факультете, где на кафедрах висели портреты Президента, премьера и губернатора. Факультете, где каждый учебный день начинался с обязательного исполнения гимна Российской Федерации.

Факультете, декан которого служил в Следственном комитете.

Преподаватели факультета были обязаны носить строгие костюмы, фотографироваться для конференций и монографий на фоне Государственного флага.

Однажды Сатрапка пригласил меня посмотреть на свое житье. Как раз когда его мать уехала на научную конференцию в Белград. Был весенний день. Ранняя, робкая весна шла по городу, позванивала капелью. В кронах оживающих берез гомозились грачи, под ногами трещал тонкий, как стекло, ледок.

В комнате Васютки бардак царил страшный — одежда разбросана как зря, смердело переполненное мусорное ведро, на столе лежал засохший кусок копченой колбасы и заплесневелая горбушка хлеба. Изумило количество опустошенных пузатых бутылей пива. И странное дело, когда я переступил порог комнаты, Сатрапка заволновался — бросился подбирать с пола трусы, футболку, штаны...

Пожалуй, в смысле презрения к домашнему устройству с ним мог сравниться лишь Сережа Каретников. Он настолько проникся поэмой Венечки Ерофеева «Москва — Петушки», что не показывался в университете неделями, валяясь в полузабытьи в бабкиной квартире с засаленными обоями и гарнитуром совдеповской поры.

Особенно вдохновился Каретников уникальными рецептами горючих составов, таких как «Поцелуй Тети Клавы», «Сучий потрох», «Слезка комсомолки»...

«Ты живой там?» — скинул я Каретникову смс.

«Я изможденный... Пил, как пианист», — пришел на следующий день ответ.

«Пора начинать вести индивидуальные графики...» — улетело ответное сообщение.

«У меня не голова, а дом терпимости...» — дал о себе знать Каретников дня через три.

Каждую сессию Сатрапка стрелял у меня конспекты. Противление противлением, а экзамены сдавать надо. Неизменно звонила мать его, уважаемый профессор, просила повлиять, вразумить.

— Хоть Вы на него повлийте, пожалуйста. Гриша, дорогой, и в кого же он такой непутевый? — риторически вопрошала опечаленная женщина.

Каково было опечаленной женщине каждую сессию, кроме первой, просить коллег поставить противленцу Сатрапке несчастный зачет или занюханную тройку. Однажды я видел, как уважаемый профессор, худенькая, в затемненных очках, поднималась, спотыкаясь, точно слепая, по мрачным лестницам университетского спорткомплекса в поисках преподавателя физкультуры. Нашла в буфете, где и я после тренажерного зала попивал воду. Звучала по радио песня Григория Лепса «Самый лучший день», но обрывки фраз я услышал. Уважаемый профессор страдальчески говорила про то, в кого Васютка такой непутевый, полуше-

потом просила поставить непутевому зачет. Посетители буфета видели, как понимающе кивала физкультурница. Пахло выпечкой. В это время Сатрапка слушал в общаге регги, представлял себя в блаженстве на пляже Ямайки. Воображал, как к большим ступням его подкатывают теплые, голубые волны, а вокруг — полуголые женщины с кожей цвета молочного шоколада. Сережа Каретников в это время с претензией пил в бабкиной квартире армянский коньяк, наслаждаясь одиночеством и свободой. Ах, свобода! Даже легкий намек на нее дарует человеку крылья!

Познакомился Сатрапка со студенткой факультета психологии Мариной, в сущности, сухарем и эгоисткой. На сей факультет привели девушку собственные проблемы личности. Главными жизненными постулатами стали идеи о том, что никто никому ничего в этой жизни не должен, что все отлично. Окружила себя этими идеями, пряталась в них от действительной жизни, словно улитка в скорлупе. Вероятно, сама не осознавала, что пряталась, считая себя хозяйкой жизни. Отбрали гопники деньги у Сатрапки, и в добавок глаз набили — «все хорошо». Случился с его отцом удар — «все хорошо, Вася». Нищенка в подземном переходе стоит, протянув стакан, — «никто никому ничего не должен, пойдём скорее». Уважаемый профессор просит не рубить сына на сессии — «все хорошо, Вася, ты никому ничего не должен...» Мать ее, тоже психолог, развелась двадцать лет назад, живет в одиночестве — и никто «никому в этой жизни ничего не должен, все хорошо...» Жизнь Марины вращалась в круге двух идей. Крутила Сатрапку, как хотела. Укоротились волосы, стали затягиваться дырки в ушах. Боб Марли поглядывал с футболки, валявшейся на мусорке, печально, бесприютно. И курсе на третьем взял Сатрапка академ и вопреки мольбам матери — в армию. В стройбат.

— Я считаю, что настоящий мужчина должен отслужить в армии и должен уметь играть на гитаре, — с важным видом, точно министр, твердила Марина-психолог.

В армии обкорналось радикальство Сатрапкино до сердцевины...

Спустя год вернулся угрюмый. И нос его картошкой повис как-то набок, как старый удавленник.

— Ох, Гришаня, — говорил в унынии дембель. — Ну его в трубу! Год потерял... Хоть одно радует — матери квартиру дали.

Марина дождалась, хотя и не должна была... С горем пополам получил Васютка синий диплом. Замдекана на выпускном даже руками всплеснула, восторженно провозгласив:

— Вася, наконец-то мы дошли!

В зрительном зале с видом царственным сидела Марина в черном платье, с черной лентой в волосах, как на похоронах. Торжественная музыка замолкла.

Уважаемый профессор выхлопотала для Сатрапки место в одном из городских судов — бумажки перебирать. Как-то я с присущей иронией при встрече заметил:

— Ну что, противленец! Помнишь, что я тебе говорил?

— Да что ты ко мне пристал!?

С тех пор Васютка, завидев меня, озираясь, как затравленный волк, поспешно трусил на противоположную сторону оживленной улицы. Улицы, несущей людей неведомо куда. Вероятно, пробуждал мой образ в душе его голос совести. А там — кто его знает... Расстроилась дружба. Мой одноклассник, облачившийся в мантию судьи, рассказывал, что жил Васютка с Мариной, детей не было. Его страница в социальной сети пестрела совместными фото — на море, в парке, в кафе. Васютка и Марина довольные, с кольцами обручальными. И никому ничего не должны.

Год спустя со страницы фото Марины исчезли.

...Осенним днем зашел я в один из городских златоглавых храмов, окружен-

ный бронзовыми кленами. Зашел постоять в прохладном полумраке, о насущном подумать, а может, о вечном задуматься... С икон строго, проникновенно глядели святые. Изображение Троицы над алтарем приковывало взгляд. Уходя, встретил во дворе бородатого послушника с метлой. Что-то знакомое угадывалось в карих глазах... Я отдалялся от храма и пытался вспомнить — кого послушник мне напоминает. Чувствовал, что кто-то глядит вслед. Обернувшись, увидел, как послушник, вдруг потупившись, принялся скрести тротуарную плитку, которой был вымощен церковный двор. Конечно, Васютка...

ТАНЕЧКА

В тридцать лет Танечке только и оставалось, что бегать... В розовой шапочке, куцем пуховике, зауженных черных джинсиках и зеленых берцах она больше походила на подростка, чем на женщину. Но морщинки поперек лба и означившиеся «лучики», устремившиеся от голубых глаз, возраст выдавали. Затерявших-ся редких седых волос в блондинистой шевелюре меньше боялась.

— Я достаточно взрослый и самостоятельный человек, чтобы знать, что мне делать и что не делать... Личная свобода для меня в приоритете, — с таких слов Танечка начала свой последний разговор с Ванюшей в курилке. Залпом две выкурила. На морозе покраснел кончик прямого длинного носа. Зарделись румянцем щеки.

Жажда свободы жила в Танечке с детства. Отец, как сама выражалась, был «пофигистом на расслабоне». Работал охранником в супермаркете, а нерабочие дни убивал перед телевизором с бутылочкой пивка. Страстно любил сериалы про ментов. Мать, учительница по образованию, работала в городском отделении Пенсионного фонда. Того самого, где после атаки украинского дрона вылетели окна. Это была женщина строгая, требовательная. Молодые сотрудницы за глаза прозвали ее Мухомором. Мухомор носила строгие очки, мешковатый старомодный пиджак, за который, в довесок к «Мухомору», молодые сотрудницы величали ее «Нафталиновой тетей». Лет семнадцать назад Танечка собралась на школьный осенний бал. Мать силой затащила ее в ванную и, нагнув над раковиной, что-то сурово приговаривая, смыла вызывающий макияж... Был еще старший сорокалетний брат-гитарист, расписанный цветными татуировками от шеи до кистей рук. Брат, который, как и двадцать лет назад, оставался главной «звездой» клубешника, выраставшего из подзаемелья на окраине города, в промышленной зоне. Казалось, что здесь среди бесконечно тянувшихся серых заборов и унылого вида желтых зданий даже в солнечный день было мрачно.

В лютый февраль, ковавший доспехи для последней битвы с приближающейся весной, мы с приятелем по дурости поперлись в этот клубешник. Местных рокеров послушать. Долго искали. Из подворотни на нас бросился огромный, облезлый пес. В свете одинокого жидко светящего фонаря он был страшен, словно оборотень. Желтые глаза безумно светились, из лиловой плотоядной пасти с длинными клыками вместе с хриплым лаем вылетали клубы пара... Рок-музыкой не насладились. Местные «звезды» играли неумело, пели нестройно, коверкая Кипелова, коряво подражая Бугусову. В клубешнике смердело перегаром, пахло пивом, сыпалась, как из бездонного мешка, грязная брань. Конечно, это была игра в рокеров, игра в пресловутую свободу...

Настоящую свободу Танечка вкусила в пятнадцать. Каким-то волшебным образом неусыпная мамаша ослабила тиски контроля. И на летних каникулах Танечка с подружкой, которая была старше года на два, отправилась поездом на море, на фестиваль электронной музыки. У бабы Мани угол сняли. Танечка потом долго помнила, как в каплях утренней росы, опавшей на гроздь еще зеленого виногра-

да, светилась маленькая радуга. Как напоминание о том, что детство уходит навсегда, уходит по-разному... Когда большое южное солнце пригревало, роса испарялась.

В городе этом огромной популярностью пользовался городской пляж, или, как его называют местные, пирс. На всей протяженности пляжа разместились дорогие отели, рестораны, аттракционы, торговые шатры. По ночам здесь громко звучит музыка, прогуливаются отдыхающие. В море с тихим плеском колышутся сотни огней. Рыболовецкие суда, стоящие поодаль, в темноте похожи на гигантских морских членистоногих, растревоженных шумом и выползших на мелководье из любопытства. В утренние часы, когда еще закрыто большинство заведений, народу здесь мало. Море шумит, как в дремоте, и волнами лижет бетонные плиты. На плитах бетонных Танечка и подруга ее с детством распрощались. Зато вожделенной, сладкой свободы хлебнули вдоволь. На фестивале познакомились с двумя студентами-арабами. Модно одетые, с густой щетиной, горбоносые паренки покорили девчужек брутальностью и легкомысленным отношением к деньгам. Жили «бруталы» в четырехзвездочном отеле. В первый день знакомства угостили подружек мороженым, в аквапарк сводили. На второй — пригласили в кафе, дорогим вином напоили. Глубокой ночью гуляли по набережной. На ломаном русском с жаром о любви говорили. Теплый ветерок ласкал под платицем вспотевшее от вина Танечкино тело. Мохаммед прижимал ее к себе. Земляк с хмельной подружкой приотстали... Волосатая рука Мохаммеда трогала Танечкину грудь. Соски становились твердыми. Танечка помнила, как горячая рука восточного паренка скользила вверх по бедру... Все произошло, как в бреду. Танечка помнила, как лежала в изнеможении одна в своем белом платице с наивными цветочками на бетонной плите. Лежала, как выброшенная на берег полудохлая медуза. Раздвинутые тонкие ноги, словно палки, торчали из белого платица. Ныли бедра, бодела грудь, в которую упирался Мохаммед. В бесконечно высоком небе мерцали отупевшие от всего виданного-перевиданного за миллионы лет звезды. Казалось, что пахнут они, как резкий дорогой парфюм восточного паренка. Взгляд выхватил из темноты ржавое судно, перевернутое кверху килем. Черные волны лизали бетонные плиты, желая укусьить за ступни девушку, в которой зарождалась жизнь...

Как от удара током Танечка спохватилась. Произошло ужасное. Не так, как в любимых фильмах. «Ой, а назад отмотать нельзя?» — просочилась тревожная, паническая мысль. В покосившемся летнем душе, стоявшем в саду бабы Мани, Танечка мылась остывшей водой и плакала. Казалось, что посреди бескрайней, безнадежной ночи нет никого и ничего, кроме нее, летнего душа, дремлющих черешен и винограда. Больше Танечка «брутала» не видела, абонент оказался недоступен.

...В школе за Танечкой ухлестывал Валерчик. Шрам на полщеки, оставленный отчимом-ментом, свидетельствовал о сложной судьбе. Валерчик часто дрался, мучил бездомных кошек. Отчим порол его нещадно, но когда в десятом Валерчик в драке складным ножом пырнул в бочину одноклассника, от тюряги отмазал. Закончилась ужасная история сроком условным. Паренек притих. И, странное дело, не к матери (мать презирал за то, что спит с ненавистным отчимом), а к Танечке проникся нежным чувством. Но Танечка на него забила. На выпускном Валерчик подарил возлюбленной пышный букет алых роз, который она, будучи хорошо под шампанским и чтобы показать одноклассницам, как может укротить этого «зверя», демонстративно выбросила в урну.

— А хочешь, Валерчик, я встану тебе на грудь? — смеялась хмельная Танечка.

— Становись, — прохрипел влюбленный.

— Ты садист, ты кошку задушил, Владика чуть не зарезал, я тебя ненавижу! — рассердилась Танечка.

— Но я тебя люблю. И всю жизнь любить буду...

Наверное, любил он Танечку.

Поступив по воле матери на экономический факультет, она устроилась работать делопроизводителем на кафедре. В восемнадцать вышла замуж за молодого, в возрасте чуть за тридцать, преподавателя по имени Дмитрий Сергееч. Покорил умением говорить витиевато. Мать, которая, как и прежде, не вылезала из мешковатого пиджака, узнав о приближающейся свадьбе, так и ухнула в кресло. Отец отнесся к решению дочери проще — звук на телевизоре выключил. Семья Дмитрия Сергееча воспротивилась.

— Димочка, зачем ты связался с этой мелюзгой? Я хочу, чтобы ты жил с нормальной женщиной, хочу внуков нянчить. А эта шмакодявка тебе детей не нарождает! У нее же татуировка на лопатке... — твердила мать будущего доцента.

Татуировку Танечка набила после «брутала». Будущий доцент хоть и был книжным червем, но обожал, что Танечка вытворяла в постели... Наверное, поэтому свадьба пышная была — с лимузином белым, такого же цвета платьем, торжественными церемониями, рестораном. Молодые жили на съемной квартире, будоража соседей сладострастными криками. Соседям не верилось, что за стеной поселился преподаватель. Года через два развелись. Детей не было... Танечка, на самостоятельность которой мать давно уже глядела сквозь пальцы, набила под сиськами третьего размера синюю сову с распростертыми крыльями. Подружка, окончив школу МВД, вышла за мента. Странными они были. Вроде и полицейские, а боялись всего. Жили в семейной общаге, серой громадной возвышающейся на пересечении Садовой и Горького. На общей кухне — пьянки каждую ночь, драки, крики. Наутро даже стены, крашенные в синий цвет, обрыганы, а полицейские носы не показывали из-за металлических дверей, спали в берушах. В новом микрорайоне медленно тянулся к небу дом, на квартиру в котором полицейская чета взяла ипотеку. Дальнобойщик Валерчик, узнав, что Танечка развелась, воспылал мечтой...

Но возлюбленную влекло к чему-то эдакому. В компании друзей Танечка познакомилась с начинающим артистом местного драматического театра. Он играл роли третьего плана. Подкупило, что у него необычная с обывательской точки зрения профессия. И поет, и танцует, и фамилия у него необычная — Кляйнмайер... Белобрысый, низкорослый, но с раздутым самонимением актер вскоре сделал предложение. И эта свадьба пышная была, платье белое, лимузин с позолоченными кольцами на крыше, ресторан... Тяга к чему-то эдакому, к свободе привела Танечку, окончившую университет, в театр — костюмером. Но мечты о яркой, счастливой жизни разбились вскоре. Кляйнмайер оказался тираном в быту, изменял с одной актрисулей.

— Ничтожество, я выгацил тебя из грязи обывательской жизни на подмостки театра! — часто попрекал он. Даже в подобные минуты Кляйнмайер был ненастоящим, наигрывал. — А ты детей рожать не можешь...

Некоторые капризные актрисы устраивали Танечке, костюмеру неопытному, сцены. Швыряли в лицо вещи, обзывали «неумехой», «дурочкой». В один день Танечка застала Кляйнмайера в гримерке с актрисулей.

Подала на развод, из театра уволилась.

— Ненавижу актеров, а театр наш — цитадель разврата... — делилась Танечка с подружкой горем своим.

С того времени начала бегать. Но курить не бросила. С жадностью высматривала в интернете объявления о любительских забегах. Ездил в соседние города. Было приятно хоть изредка получать на шею пластмассовые медальки. Валерчик, воз-

вратившись из рейса, бегать не прекращал... за Танечкой, которой на него было плавать.

«Я тебя всю жизнь ждать буду...» — писал он в социальной сети.

«Валерчик, не трать время».

«Люблю тебя...»

По четвергам вечером Танечка с подружкой-полицейской спешила на квизы, проходившие в кафешке на Б-м бульваре. Команда подобралась дружная — всем за тридцать, все сплошь неудачники в жизни. Тот — неудавшийся поэт, возгордившийся, что прожил в Питере целых три года, тот на шее у родителей сидел и сутками рубился в «танчики», та — лесбиянка... Но никто не находил в себе мужества признаться, что банкрот в жизни. Считали себя интеллектуалами. Нравилось участвовать в викторинах за коробочку «Чокопая». Повышали самооценку, «запиливая» фоточки с квизов на странички в социальных сетях. С нетерпением ждали лайков. А Ванюша был другим. Ванюша был экономистом от бога, не раз спасавшим задницу то вороватому, то безалаберному руководству. С ним Танечка познакомилась, когда пришла в финансовый отдел завода «Вертикаль». Единственным, что втайне огорчало Ванюшу, было то, что к своим двадцати шести оставался он девственником. Дома в трехкомнатной квартире сталинки с лепниной висели на стенах дипломы, на гвоздиках поблескивали непластмассовые медали за победы на математических олимпиадах. Но ни одной любовной победы в актив себе занести не мог. Жил с мамой и бабушкой, Героем труда. С Танечкой Ванюша на обед ходил. Влюбился. Танечка казалась нежной, невинной, покладистой. Именно такую жену у судьбы вымалывала для него бабушка.

В общении с начальницей предпенсионного возраста Танечка являла кроткий нрав, покорность. В кабинете втроем сидели — начальница, Ванюша и Танечка, которые многозначительно переглядывались. Это раздражало пожилую, обидчивую даму. Мнилось, что посмеиваются над ней. После работы долговязый Ванюша в костюмчике и Танечка с крепкими икрами бегуни в платьице прогуливались по набережной. В стремнине, вздымая буруны, бросались на мальков и упавших насекомых крупные голавли. На противоположном, не облаченном в гранит берегу, перешептывались камыши, шумела березовая аллея, посаженная к юбилею местного университета. Из камышей на счастливых молодых людей, скрежеща зубами, поглядывал мускулистый Валерчик. В маленьких карих глазах полыхал огонь ненависти. Ванюша провожал Танечку домой краткой дорогой — через станцию Товарную, где всегда стоял запах смолы, слышался металлический лязг и тревожно, как-то лениво перекликались локомотивы.

Дальше поцелуев дело не доходило.

— В интимном плане у меня опыт небольшой, — как бы на будущее поддразнивала влюбленного Танечка.

Прошло короткое лето, унеслась вместе с опавшей листвой в невозвратное осень. В лужах протянулись ледяные иглы. Река облачилась в панцирь, под которым в студеной воде в летаргическом сне шевелили плавниками голавли.

Начальнице терпеть надоело. Ей по-прежнему казалось, что обменивающиеся взглядами Ванюша и Танечка посмеиваются над ней.

После работы она задержала подчиненную, повела речь такую:

— Татьяна, вы определитесь — вы или выбираете стабильность в жизни, то есть работу, или продолжаете любиться, где ни попадя. На вашем месте я бы остановилась на первом.

...Танечка долго уснуть не могла. Все глядела из окна на валивший из труб цементного завода дым. Утром, вспомнив, как недавно Ванюша в шутку заметил, что такой умной девушке нечего пропадать на квизах, где собираются те, у кого детство в одном месте заиграло, решила сделать выбор.

Позвала в курилку некурящего Ванюшу:

— Я достаточно взрослый и самостоятельный человек, чтобы знать, что мне делать и что не делать... Личная свобода для меня в приоритете. Давай не будем ничего продолжать...

Много чего наговорила, нервно дым выдыхая. Стоял Ванюша, словно громом пораженный. Хотел отпроситься пораньше — у мамы был день рождения. Подарок в аккуратной коробочке лежал во внутреннем кармане куртки.

«Давай хотя бы в последний раз домой провожу», — написал смс, хотя сидели через несколько метров.

«Не надо».

«Для меня это важно...»

«Ну, проводи, только не до подъезда. И в последний раз».

Шли в напряженном молчании. На западе умирала багровая заря, горизонт лежал в зеленом окаймлении. Мороз обжигал щеки. Тревожно перекликались локомотивы. Сотрясая землю, прошел военный эшелон. Ванюша, как замороженный, глядел на очертания танков. Страшное угадывалось в приземистых силуэтах... Позади осталась станция Товарная.

Под мостом, где было гулко, выскочила навстречу черная фигура в капюшоне. В руке блеснуло что-то длинное. Ванюша смутно помнил, как лежал на холодной земле, прижимая одной рукой мамин подарок, а другой пытаюсь заткнуть глубокую рану, чувствуя, как жизнь вытекает из него, словно вода из ванны, когда откроешь сток. И кто-то кричал, подбегая:

— Сто-ой, су-ука, сто-о-ой!

Перед тем, как потерять сознание, Ванюша услышал колокольный перезвон.

